

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

1150 лет Российской ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Материалы

*к Общему собранию Российской академии наук,
посвященному Году российской истории*

(Москва, 18 декабря 2012 г.)

МОСКВА НАУКА 2012

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАДПИСИ-ГРАФФИТИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ СОФИИ

Предварительные итоги исследования*

В христианском мире Средневековья конструктивные детали храмов нередко играли роль носителя письменных сообщений частного характера. Их авторами были клирики, строители, художники, простые прихожане, купцы и паломники. Древняя Русь в этом смысле не была исключением. К настоящему времени выявлено несколько тысяч древних надписей в церковных сооружениях Киева, Чернигова, Новгорода, Старой Ладogi, Полоцка, Смоленска, Владимира, Суздаля, Галича и др. Значительная их часть представлена молитвенными обращениями к Богу, которые имеют традиционный зачин «Господи, помози рабу своему...». Считалось, что обращение к Богу, в том числе и на стене храма, сохраняет свою силу до тех пор, пока существует сама надпись, которая, таким образом, выполняла функцию вечной молитвы.

Наибольшим авторитетом у верующих пользовались храмы, игравшие роль региональных, национальных и общехристианских духовных центров. Величественные и богато украшенные, они были местом, где служили высшие иерархи церкви, молились представители знати, хранились комплексы священных реликвий и чудотворных святынь. Бытовало убеждение, что именно здесь – в кафедральных храмах – молитва скорее будет услышана адресатом, нежели под сводами домово́й или обычной приходской церкви. Этим, по всей видимости, следует объяснять высокую концентрацию надписей в главных соборах Древней Руси – церквях св. Софии в Киеве и Новгороде.

Особое место в иерархии христианских храмов занимали церкви Константинополя. Несмотря на все трудности дороги, в том числе общую продолжительность путешествия (путь от Киева до столицы Византии, приблизительно равный 1700 км, преодолевали в среднем за два с половиной месяца¹), русское паломничество в Царьград было весьма популярно вплоть до завоевания города турками-османами в мае 1453 г. Выходцы из Руси охотно посещали многочисленные храмы и обители византийской столицы: церковь Святых Апостолов, монастыри Богородицы во Влахерне, Сергия и Вакха, Пантократор, Студийский, Одигирии, св. Георгия в Манганах и др. Однако главной целью паломничества в Царьград был для древнерусского человека храм св. Софии – кафедральный собор Константинополя, главная церковь Византийской империи. Неслучайно именно с описания св. Софии начинаются почти все древнерусские паломнические хождения. «Се азъ недостойныи... – писал в самом начале XIII в. новгородский архиепископ Антоний, – приидохомъ во Царьградъ. Преже поклонихомся святѣи Софѣи...»². Дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима, посетивший Константинополь

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Славяно-русские граффити св. Софии Константинопольской»).

в конце 1419 – начале 1420 г., свидетельствует, что по прибытии в город обошел все святые места, но первым делом («первое») «поклонился святой великой церкви Софии, идеже патриарх живет»³.

Почему собор был столь популярен среди паломников? Прежде всего, это было связано с убеждением, что св. София является местом действия священных сил, сосредоточения божественной благодати. О чудесных знамениях и мистических видениях, происходивших в ее стенах, знали далеко за пределами Константинополя. В храме специально были обозначены места, прославленные явлением молящейся Богородицы, ангелов и святых. Кроме того, св. София была местом хранения многочисленных христианских реликвий и святынь: мошей праведников, чудотворных икон, артефактов ветхозаветной и новозаветной истории. Считалось, что посещение собора и поклонение его святыням является делом богоугодным, а молитва в нем не останется без ответа.

В течение почти тысячи лет, вплоть до постройки нынешнего собора св. Петра в Риме (XVI в.), св. София была самой большой христианской церковью в мире. Особую славу храма составляли богато оформленные интерьеры. Вплоть до последних десятилетий существования Византии, когда положение империи стало катастрофическим и большинство храмов столицы находились в плачевном состоянии, св. София сохраняла прежнее величие. Дьяк Александр, посетивший главную церковь Константинополя в конце XIV в., признавался, что «величество ея или красоту не мощно исповѣдати»⁴. Даже в период османского могущества, когда храм был обращен в мечеть, он не утратил способности удивлять. Иван Лукьянов – русский паломник, побывавший в Стамбуле в 1710 г., так описывал свое впечатление от увиденного: «...А когда мы взошли на верхние палаты (галереи второго этажа. – Авт.), тогда ум человек переменился, таково диво видевши, что такова дива в подсолнечной другова не сыщешь, и как ее описать – невозможно»⁵.

Храм св. Софии был целью многих паломников, устремлявшихся в Константинополь со всех уголков православного мира. Доля русских богомольцев в этом потоке неуклонно росла вплоть до 1453 г.⁶ Отношение к св. Софии как к сакральному пространству нашло свое отражение в надписях, начертанных выходцами из Руси на мраморных облицовочных плитах стен, перилах балюстрад и колоннах храма.

* * *

До самого последнего времени русские средневековые надписи св. Софии в Константинополе-Стамбуле не были объектом самостоятельного научного изучения. Хотя попытки привлечь внимание специалистов к этому источнику неоднократно предпринимались.

В 1954 г. Кирил Манго, отметив, что эпиграфика собора еще ожидает своего исследователя, опубликовал в прорисовке и прокомментировал надпись Филиппа Микитинича, стольника митрополита Киприана. Исследователь осторожно относил граффито ко времени одного из визитов главы русской церкви в Константинополь (1379–1380, 1386–1387, 1388–1389)⁷. Летом 1969 г. исследовательницей из Лос-Анджелесского университета Барбарой Г. ван Найс была проведена работа по фотосъемке разноязычных граффи-

ти собора. В общей сложности ею было отснято около двух тысяч надписей, среди которых оказались и древнерусские. Одна из них – надпись Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима – позднее была опубликована И. Калаврезу-Максайнер и Д. Оболенским⁸. Издатели отнесли граффито ко времени посвящения смоленского епископа Герасима патриархом Иосифом II в сан митрополита Киевского и всея Руси, которое состоялось между 1 сентября 1432 и началом 1433 г. В начале сентября 1977 г. собор посетил профессор Украинского католического университета в Риме Олекса Горбач. Спустя непродолжительное время он опубликовал небольшую заметку, посвященную славянским надписям св. Софии⁹. Несмотря на то что осмотр храма, по признанию самого ученого, был весьма непродолжительным, ему удалось выявить шесть восточнославянских граффити^{2*}. К сожалению, автор не привел прорисовок выявленных надписей и не дал точного описания их местонахождения. Первым отечественным исследователем, обратившим внимание на граффити константинопольской Софии, стал сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН А.А. Алексеев. В сентябре 1996 г. в результате осмотра галерей он обнаружил пять ранее неизвестных русских средневековых надписей¹⁰. Еще одной находкой стал автограф художника Николая Федоровича Алферова, посетившего Константинополь в 1805 г.

Таким образом, из публикаций до последнего времени было известно о тринадцати древнерусских надписях в св. Софии Константинопольской, из которых только три были изданы в прорисовке.

В конце 2007 г. авторами настоящей статьи была начата планомерная работа по выявлению, фиксации и описанию русских средневековых граффити собора св. Софии. Ее первые результаты были доложены на конференции «Восточная Европа в Древности и Средневековье», прошедшей в Институте всеобщей истории РАН в апреле 2008 г. В тот момент нами было обнаружено около полутора десятков ранее неизвестных надписей. Последующие экспедиции (ноябрь 2008 г., март 2009 г., ноябрь 2009 г., ноябрь 2010 г.^{3*}) позволили существенно увеличить количество новых находок. В настоящий момент в общей сложности выявлено и зафиксировано более шестидесяти русских надписей, предварительно датированных XI–XV вв.¹¹

* * *

Обзор выявленных к настоящему времени древнерусских надписей константинопольской Софии предложим читателю в виде небольшой эпиграфической экскурсии по галереям храма. Начнем ее с восточной части южной галереи. Справа от мозаики с изображением императора Иоанна II Комнина и императрицы Ирины, на северной плоскости дверного проема, через который

^{2*} В статье приводятся тексты семи надписей. Однако есть основания считать, что третье и четвертое граффити являются частями одной надписи. Дело в том, что первая буква имени автора в четвертой надписи (*Матфѣи*) украшена изображением четырехконечного креста, в верхней части которого хорошо читается то, что О. Горбач называет третьей надписью, а именно – монограмма Христа (*Ісъ хъ*). Поскольку основание креста располагается в нижней точке петли буквы *м*, разделение данного автографа на две самостоятельные надписи представляется искусственным.

^{3*} В последней экспедиции принимала участие также Т.В. Рождественская.

в собор, следуя из дворца, попадала императорская чета, сделал свою обстоятельную надпись уже упоминавшийся стольник митрополита Киприана Филипп Микитинич.

Гї помози рабоу сво|ему Филипу Ми|китиничю сто|лнику Киприана |митрополита Ки|евского и все| ру^с.

Со значительной вероятностью автор граффито отождествляется с Филиппом, вдова которого, Федосья, обращалась в 1404 г. к митрополиту Киприану с просьбой разрешить ей жить вдовой в вотчине мужа, убитого холопами¹².

На ближайшей к двери колонне, с южной стороны, читаются два слова: **Нужно ест.** А.А. Алексеев трактует их как цельное высказывание: «Тяжело, плохо, нужда!»¹³. Однако учитывая, что надпись осталась недописанной (отсутствует конечный *ь*), в ней можно видеть и отсылку к евангельскому стиху (Мт. 11: 12), который именно в этой форме неоднократно цитируется русскими авторами. Ср., например, в «Домострое»: «И паки рече Господь: нужно ест царство небесное, и нужници восхищают е»¹⁴.

На той же колонне, немного левее и выше, была недавно обнаружена еще одна русская надпись. Она сделана при изображении креста и гласит: **Свѣтаѧ Софїе! Грѣчинь ѡ҃ль.** Очевидно, что *Гречинь* здесь – не этноним, а прозвище русского человека (о восточнославянском происхождении писавшего говорит употребление *ѧ* в значении [*‘а*]). Из источников XII в., к которому, судя по начертаниям букв, относится надпись, известен один носитель такого прозвища, который вполне мог бы претендовать на авторство граффито. Это знаменитый Олисей Петрович Гречин – новгородский боярин, священник и церковный художник, усадьба которого была исследована в 1970-х гг. на Троицком раскопе¹⁵. Сопоставление летописных упоминаний с показаниями берестяных грамот позволяет считать его сыном боярина Петра Михалковича, в 1155 г. выдавшего дочь за князя Мстислава Юрьевича. Предполагается, что свое прозвище и профессию иконописца Олисей Петрович вынес из Византии, куда в 1162 г. направился изгнанный из Руси Андреем Боголюбским Мстислав Юрьевич и где его, несомненно, сопровождала жена, сестра будущего Гречина¹⁶.

На северо-западной стороне соседней (северо-западной) колонны читается автограф дьяка Стефана, написавшего свое имя на греческий лад, но с *ь* на конце: **Стефанось русинь диякъ**¹⁷.

Пройдя в центральную часть южной галереи, повернем направо вдоль перегородивающей ее стены и остановимся в метре от балюстрады. На мраморной облицовочной плите стены, на уровне человеческого роста, читается сделанная уверенным уставным почерком надпись, разделенная на две части рисунком креста.

Дѣмькоѡ | Безоевичѣ грѣшныи. | Свѣтаѧ Софїе, | помилоу ма.

Имя автора, *Дѣмько* – то же (с точностью до морфологического рода), что и у писца новгородской служебной минеи 1095 г.; отчество, записанное как *Безоевичь*, явно произведено от дохристианского имени *Безуи* (‘не имеющий дяди [со стороны матери]’). Это имя выступает, в частности, в датированном XI в. граффито № 102 киевского Софийского собора **Гї помози рабоу своему Безуеви Иванѣ отроку Добрынича**¹⁸. Формы букв и одноеровая орфография датируют автограф Домки Безуевича временем не позже первой трети

XII в., делая его одной из наиболее древних славянских надписей Софийско-го собора.

Древнерусские тексты находим и на испещренных разноязычными граффити перилах балюстрады южной галереи. Из них выделяется монументальностью исполнения надпись **Матѣи попь галичскыи**¹⁹, вырезанная крупным уставом второй половины XIII в.

Сразу три русских граффити читаются на северо-западной колонне в центральной части южной галереи. Первая на юго-западной стороне колонны, выполненная крупным размашистым почерком, принадлежит выходцу из Нижнего Новгорода: **Данилос из Новаго[рода из Нижнего]**. Автограф того же автора читается на северо-восточной стороне юго-западной колонны восточной части южной галереи (**Данило из Новагорода**)²⁰.

Две другие надписи на северо-западной колонне центральной части южной галереи нанесены острым и тонким инструментом и отыскиваются с большим трудом. Обе носят молитвенный характер и сделаны почерками конца XIV–XV вв. С юго-восточной стороны колонны читается надпись: **Гї помози рабу своему Филипу**. Судя по почерку, перед нами еще один автограф Киприанова стольника Филиппа Микитинича. На северо-восточной стороне колонны начертано граффито: **Гї помози рабу своему и с(вя)тая Софя | Елферью Васильевичу**.

Характерная деталь: Елеферий поначалу воспользовался стандартной эпиграфической формулой «господи, помози рабу своему», но затем – применяясь к месту, где находился, – дописал сбоку: «И святая София». Не исключено (учитывая сходство почерков и расположение надписей с двух сторон одной колонны), что Елеферий Васильевич побывал в св. Софии одновременно с Филиппом Микитиничем.

На ближайшей (северо-восточной) колонне тончайшим пишущим инструментом сделана надпись: **+Азь писах Нѣнчул | граматикь**. Особенности формуляра (местоимение *азь* + аорист *писахь*) и явно не древнерусское имя писавшего позволяют уверенно трактовать надпись как южнославянскую. Суффикс *-ул* в имени *Нѣнчул* делает вероятным молдо-влахийское происхождение автора. Палеографически надпись может быть предварительно датирована XV в.^{4*}

В западной части южной галереи наше внимание привлекают в первую очередь два текста. Один из них – уже упоминавшаяся надпись Якова, писаря митрополита Герасима – в настоящее время едва различима на белом мраморе колонны, соединенной с юго-западным опорным столбом. Другой заслуживающий внимания текст расположен на одной из колонн, поддерживающих свод экседры. Колонны из зеленого фессалийского мрамора имеют ряд вкраплений белого кальцита. На поверхности одного из них, на западной стороне пятой слева колонны, в полуметре от перил балюстрады, начертан четырехконечный крест, а под ним надпись, сделанная почерком XIV – первой поло-

^{4*} Заметим, что надпись Ненчула Грамматика – пока единственный заведомо не восточнославянский текст из известных нам средневековых славянских граффити константинопольской Софии. Указание О. Горбача на болгарскую форму имени *Василий* в надписи **Василчо** (на перилах балюстрады юго-восточной экседры) – следствие ошибочного прочтения: в действительности надпись читается: **ВАСИЛИОС** (с конечным *с*, вынесенным над очерчивающей ее рамкой) и является греческой.

вины XV века: **Гй, помози | рабу свому | Лоуеви б-гл-**. И крест, и надпись выполнены в редкой для граффити технике двойного контура. Последнее слово надписи допускает, как кажется, единственную конъектуру: *б(ъ)гл(у)*. В Константинополь русские люди попадали не только как паломники, дипломаты и купцы, но и тем путем, о котором сказано еще в русско-византийском договоре 944 г.: «аще ускочить челядинъ от Руси, по не же приидуть въ страну царства нашего <...> и аще будеть и обрящеться, да поимуть ии»²¹.

Весьма вероятно, что к той же категории беглецов относился и автор граффито, прочерченного неподалеку на перилах балюстрады западной части южной галереи. Буквенный состав надписи несколько озадачивает: [Ψ] **иваново|бежениво**. Смысл граффито проясняется, если допустить, что писавший дважды написал *в* вместо *к*, спутав две сходные по форме буквы. Тогда следует читать: [Ψ] **ивано(к)о бежени(к)о**. Надпись сделана в бытовой орфографии, в стандартной записи она имела бы вид **Ψ иванъко бѣжъникъ**. Слово *бѣжъникъ* 'беглый, беглец' не засвидетельствовано историческими словарями русского языка, но имеется у Даля (с пометой «архангельское»). Сохранение слабых редуцированных в сочетании с эффектами бытовой орфографии позволяет датировать надпись XII – началом XIII в., чему не противоречат и начерки букв.

Необычная по содержанию и композиции надпись читается на стене, ограничивающей с запада балюстраду южной галереи. Она складывается из трех частей: инвокации: **Гй Б[ѣ]** (слева), начала азбуки: **а б в г д ж** (справа) и основной надписи (в центре), в которой писавший выразил свое нехитрое желание: **Патрархъ (sic!) гйне, пожалуи ма**. Совсем рядом, в южном конце западной галереи, был вход в покои патриарха; надпись мог сделать кто-то из митрополичьей свиты, дожидавшейся его аудиенции.

Попад в западную галерею собора, мы проходим вдоль стены, облицованной мраморными плитами. На одной из них (пятой слева) начертано граффито:

Госпъ|ди пъмъ|зи рабу свъему Гео|р'ѣгивеи| уоб...

Буквы *уоб* в начале шестой строки, очевидно, начало слова *оубогамоу*, оставшегося недописанным. Палеография надписи архаична, при этом, как и предыдущая, она сделана в бытовой орфографии, с почти регулярной (за исключением первого слога) заменой *о* → *ь*. Вероятная дата – XII в.

Несколько надписей читаются на перилах балюстрады правого арочного проема. Справа, у самого столба, дважды повторена надпись, сделанная почерком XV в.: **Гй помози рабу бжю [Ѡ]стафию москвитину**. Угадывается и начало третьей строки: **д[а]ж[ь] бже ...**, но продолжение, к сожалению, затерто и прочтению пока не поддается.

Левее, на перилах той же балюстрады читается надпись весьма необычного содержания, до последнего времени читавшаяся не полностью²². Сделанная почерком домонгольского времени, она гласит: **[А]же кото придете семо, аже не молитесь митрополиту, а горь ему [п]олу(ч)[и](ти)**. Текст угрожает горем тому, кто, придя на «это место», «не молится митрополиту». Последнее выражение нужно, по-видимому, понимать в значении молитвы за митрополита. Смысл граффито, таким образом, в следующем: придя под своды св. Софии, русский паломник должен молиться о своем митрополите; если же он этого не делает и просит Бога лишь о самом себе и своих близких,

то получит лишь горе. Можно думать, что надпись была сделана кем-то из митрополичьих клириков, посетивших Константинополь в связи с поставлением митрополита или по какому-то иному церковному делу. Поскольку с падением Константинополя в 1204 г. патриархия изменила местопребывание, этот визит состоялся, скорее всего, в XII в.

Архитектурный центр западной галереи образуют два «подсвечника» из зеленого фессалийского мрамора, фланкирующие «место императрицы» и заключенные между двумя также зеленомраморными колоннами. На северной колонне и на обоих «подсвечниках» имеются славянские надписи.

На северо-западной стороне северной колонны читаем: **Гї помози рабоу сво|ему Иванови устѣ**. Следует полагать, что заключительный фрагмент – не прозвище Ивана, а оставшееся недописанным сочетание *у стѣ (и Софие)*, с новгородским диалектным окончанием род. падежа ед. числа жен. рода членного прилагательного. Замечательным образом, новгородское происхождение писавшего подтверждается надписью на юго-западной стороне той же колонны: **Завиде ѡал Данетин**, содержащей ярчайший морфологический новгородизм – окончание *e* в им. падеже ед. числа *o*-склонения. *Данетин*, по всей вероятности, не притяжательное прилагательное, а недописанное отчество *Данетин(ичь)* (от имени *Данята*, с отражением перехода *a* в *e* между мягкими согласными).

Недописанной осталась и надпись на южной стороне северного подсвечника: **Гї помози рабома своима [Доб]рославуо съ...** Симметричное ей граффито на южном подсвечнике гласит: **Гї пози(!) | рабоу своему | именемъ Гостилови**. Имя *Гостиль* хорошо известно по берестяным грамотам.

Палеографически все четыре надписи могут быть отнесены ко второй половине XII – началу XIII в. То, что три из них не были дописаны, вряд ли случайно и может свидетельствовать об одновременности написания. Похоже, что новгородских гостей – Ивана, Завида, Гостила и Доброслава с его неизвестным спутником – согнали с «престижного места», не дав до конца реализовать амбициозный замысел. Характерно, что никаких других надписей на колоннах и подсвечниках нет, при том что перила балюстрады в этом месте исписаны весьма основательно.

Две славянские надписи обнаружены на перилах самой правой балюстрады северо-западной экседры храма. Первая, трехстрочная, сделана от лица сразу пяти человек: **Гди, помъзи рабомъ своимо Иванови, Гюргеви, Костантинови и Олисееви и Олекосе постоа|во|ши на сихо мествхо амино**. Молитва пяти паломников была, судя по почерку и языку, записана во второй половине XII в.

К той же эпохе принадлежит и надпись, сделанная мелким, уверенным почерком вдоль самого края перил: **Василь ѡль Онаниче и Говена Марель греш(ен)аа тако [пъ]сал[а е]мо[у]**. По всей вероятности, Василь Онаньич и Говена-Марья – супруги, и надпись является памятником их семейного паломничества в Царьград. Характерна антропонимическая ситуация граффито: в то время как муж назван по имени и отчеству, жена упомянута под двумя именами – языческим и христианским. Имя *Говьна* – производное от глагола *говѣти*; его мужской вариант известен из двух берестяных грамот XII в. – новгородской № 867 и № 2 из Звенигорода Галицкого, где фигурирует умерший Говен и его вдова – «Говеновая». Но особенно примечательно сле-

дующее: *тсала емоу*, если последнее слово реконструировано нами правильно, может быть понято только в смысле «писала для него, за него»; очевидно, надпись сделана женской рукой, в то время как сам Василь Онаньич лишь участвовал в составлении текста.

Значительный интерес представляет большая тринадцатистрочная надпись на южной стороне северо-восточной колонны в западной части северной галереи, сделанная почерком XIV–XV вв.

А се азъ | Федоръ | былъ о | страстехъ | с(в)атыхъ. | А се азъ Ива(нъ) | былъ о | [стр]астехъ. | А се азъ Кузма | [былъ] есми тре[т]ьи, былъ о | сва[т]ыхъ страстехъ, | тре[т]ьи былъ.

Надпись состоит из трех частей, каждая из которых имеет характерный актовый зачин «А се язъ...». По существу, она и представляет собой акт, засвидетельствовавший пребывание трех паломников – Федора, Ивана и Кузмы – «у святых страстей». Под этим сочетанием можно понимать как богослужение великой пятницы, посвященное воспоминанию о страданиях и крестной смерти Иисуса Христа, так и реликвии страстей Господних, хранившиеся в Константинополе и бывшие одной из главных целей паломников. Два объяснения не противоречат друг другу. Из источников известно, что во второй половине XIV в. реликвии святых страстей хранились в монастыре св. Георгия в Манганах, но раз в год, в великий четверг, приносились в св. Софию для всеобщего поклонения им. Так, автор Анонимного хождения в Царьград (конец XIII – начало XIV в.), описывая внутреннее убранство собора, свидетельствует: «Оттоле поидя (от центрального входа. – *Авт.*) мало есть доска Ноева ковчега; на той доске покладают страсти господни въ великий четверток: губу и трость и копие. Тогда бывает сход велик крестьян со всех сторон, знаменаются страстми господними, велико исцеление бывает больным, и приходящим бывает прощение грех и от бед избавление»²³. Аналогичное свидетельство имеется у Стефана Новгородца, посетившего Константинополь в 1348–1349 гг. Упомянув о своем приходе в город в «неделю страстную», он дает следующее описание увиденного в св. Софии: «И оттоле мало пошед видехом множество народа целующе страсти господни и възрадовахомся велми зане бо без слез не мощно приити къ страстем господним». И далее: «И ту виде нас царев болярин, ему же имя Протостратарь, и допрыводи ны до страстей господних бога ради, и целовахом грешнии»²⁴. Очевидно, ту же возможность приложиться к святым реликвиям получили и трое упомянутых в надписи на колонне выходцев из Руси.

Из русских граффити в центральной части северной галереи упомянем надпись на перилах самой левой балюстрады, вырезанную крупными буквами, вероятно, в XIV в. Граффито состоит из двух частей, причем вторая написана со сдвигом влево, слегка наискосок, и производит впечатление отдельно сделанного дополнения: *Безнег[о] | Алекоса ψ. | Две душ(и) погуб[и]л(ъ)*. Архаичное славянское имя *Безнегъ* оставило след в топонимике: так называется деревня в Шарьинском районе Костромской области. Можно думать, что Алекса-Безнег сначала выполнил стандартный автограф, но затем в приписанной фразе излил угрызения совести, отягощенной виной в насильственной смерти двух человек. Невозможно не вспомнить здесь слова Владимира Мономаха в его «Поучении»: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будет повинен смерти, а душе не погубляйте никакаяже хрестьяны»²⁵.

Перейдя в восточную часть северной галереи и пройдя вдоль полукруглой балюстрады, мы находим на примыкающей к ней стене две надписи, сделанные на соседних (второй и третьей слева) облицовочных плитах:

Георги в(ы)шегородць,| Коурила, Тѣшька.

Гѣ, помози рабоу своѣмоу Иванькови.

Формы букв, орфография со смещением ѣ и ѝ (*тѣшька*), сохранение сильного и слабых редуцированных позволяют датировать надписи временем не позже первой пол. XII в. Надпись Георгия вышегородца – пока единственное раннедревнерусское граффито в св. Софии, содержащее прямое указание на происхождение писавшего (в надписях XIV–XV вв. подобные указания – не редкость).

На широком подоконнике замурованного окна в восточной стене северной галереи (слева от арочного проема, выходящего в алтарную апсиду) находится самый обширный комплекс древнерусской эпиграфики храма. Он насчитывает более двадцати надписей, беспорядочно разбросанных по плоскости подоконника. Некоторые из них сильно затерты и не поддаются прочтению. На сегодняшний день нам удалось разобрать следующее:

Лазоре Къстелевиче

---нтеи Бестуличе

Михале Котеле

Ивано Иванковиче

Ивань Соииловичъ ѱ гѣ прости

Станисмиръ

Добрына Судошин

(Я)[кове П]олозкови(че)

Путята ѱ Климовичъ

Ивань ѱ

[Оле]коса ѱ

Игнать ѱ

Васил(и)[и И]ванковиц-

[ѱ С]ем[е]юн[о] Борисовиче

Гѣ помози рабу своему Ивану

Грозил[а] (Гю)рге[в]иц-

В ѡбѣтѣ .ѣ. т[ы](сѣшь) ...

Надписи в основном однотипны, представляя собой простые автографы, иногда с добавлением глагола «писал». Сходствуют и графические особенности, в частности, использование бытовой орфографии со смещением ѣ и о, ѝ и е. Палеографически и лингвистически комплекс может быть датирован второй половиной XII – началом XIII в. Наличие цоканья (*Иванковиц-, Гюргевиц-*), а также окончания им. ед. -е (Котеле), показывает, что по крайней мере некоторые из писавших были новгородцами. По всей вероятности, большинство надписей комплекса были сделаны одновременно, при посещении храма св. Софии большой группой русских паломников или купцов. Согласно свидетельству письменных источников богомольцы редко отправлялись в далекий путь в одиночку. Как правило, они объединялись в более или менее значительные группы. Коллективное паломничество было и дешевле, и безопаснее. В связи с этим весьма любопытным представляется следующее

известие летописного сборника, приобретенного в 1894 г. Императорской Публичной библиотекой: «В лето 6671 (1163/4) г. поставиша Иоана архиепископом Новугороду. При сем ходиша... из Великаго Новагорода от святой Софеи 40 муж калици ко граду Иерусалиму ко Гробу Господню»²⁶.

На том же подоконнике находится и надпись, сделанная скандинавскими рунами. В отличие от широко известных рунических граффити на перилах центральной части южной галереи, она до сих пор оставалась не выявленной, хотя руны читаются вполне уверенно и их около двадцати. К комплексу русских граффити руническая надпись, естественно, отношения не имеет^{5*}.

Последняя из славянских надписей, которую можно увидеть, направляясь к выходу с северной галереи, находится на южной плоскости правого оконного проема восточной стены, под профессионально выполненным рисунком женщины в широкополом облачении и с сосудом в правой руке. Прочтение ее затруднено тем, что непосредственно по славянской надписи выполнена греческая. Разобравшись в сплетении кириллических и греческих букв, читаем:

Помани гѣ |Федора Сьмена |грѣшнюю

Надпись, бесспорно относящаяся к раннедревнерусской эпохе, интересна с лингвистической точки зрения, так как содержит редкую форму род. падежа двойственного числа членного прилагательного. Греческая надпись, использовавшая отдельные штрихи кириллических букв, прочитывается как $\delta\eta\alpha\kappa\omicron\nu\eta\sigma\alpha\nu$ ^{6*} и, очевидно, относится к рисунку, изображающему диаконису. Чем руководствовался византиец, прочертивший надпись прямо поверх славянской (при том, что вокруг было много пустого пространства), можно лишь гадать.

Приведенные в статье надписи являются лишь частью обширного древнерусского эпиграфического комплекса собора св. Софии Константинопольской. Однако уже приведенные тексты показывают, что граффити, оставленные выходцами из Руси на стенах, колоннах и балюстрадах собора, проливают новый свет на историю средневекового паломничества, существенно дополняя показания нарративных памятников. Славяно-русские граффити храма св. Софии – уникальное свидетельство русского присутствия на Востоке. Они являются ценным источником по истории взаимоотношений Руси-России с Византией и Османской империей, отечественной письменности, языка и культуры. Поэтому свою ближайшую задачу авторы видят в подготовке полноценного свода древнерусских надписей Константинопольской Софии.

¹ Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. М., 2005. С. 118.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский Архив. М., 1863. Год 1. Стб. 183–184.

⁶ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 23.

⁷ Mango C. Russian Graffito in St. Sophia, Constantinople // Slavic Word. № 10 (1954). P. 436–438; Толочко А.П. Два кириллических граффити Константинопольской Софии // Ruthenica. Т. 7. Киев, 2008. С. 209–211; Артамонов Ю.А., Зайцев И.В. Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Восточная Европа в древности и средневековье.

^{5*} Публикация граффито будет осуществлена Е.А. Мельниковой.

^{6*} Чтение А.Ю. Виноградова.

- Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Москва, 14–17 апреля 2009. Материалы конференции. М., 2009. С. 27–28.
- ⁸ *Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D.* A Church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 5, 1 (1981). P. 5–10.
- ⁹ *Horbatsch O.* Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel // *Die Welt der Slaven*. 1977. № 22. S. 86–88.
- ¹⁰ *Алексеев А.А.* Русские граффити цареградской Софии // *ТОДРЛ*. Т. LI. СПб., 1999. С. 321–323.
- ¹¹ *Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* «Аще кто поидет в Константинополе»: Русские люди в храме Святой Софии // *Родина*. 2008. № 7. С. 58–62; *Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Новые источники о паломничестве русских людей в храм Св. Софии в Константинополе-Стамбуле // *Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов*. Москва, 20–21 октября 2008. М., 2008. С. 10–15; *Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // *Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Москва, 14–17 апреля 2009. Материалы конференции*. М., 2009. С. 19–29; *Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // *Вопросы эпиграфики*. М., 2009. Вып. 3. С. 300–321; *Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.* Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии // *Ruthenica VIII* (2009). Киев, 2009. С. 227–243; *Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.* Русские паломники «у святых страстей» (из эпиграфики св. Софии в Константинополе-Стамбуле) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Москва, 14–16 апреля 2010. Материалы конференции*. М., 2010. С. 14–21.
- ¹² *Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // *Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Москва, 14–17 апреля 2009. Материалы конференции*. М., 2009. С. 27–28.
- ¹³ *Алексеев А.А.* Русские граффити цареградской Софии // *ТОДРЛ*. Т. LI. СПб., 1999. С. 323.
- ¹⁴ БЛДР (Библиотека литературы Древней Руси). Т. 10. М., 2000. С. 146.
- ¹⁵ *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- ¹⁶ *Гиппиус А.А.* К биографии Олисея Гречина // *Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси*. М., 2005. С. 11–25.
- ¹⁷ *Алексеев А.А.* Русские граффити цареградской Софии // *ТОДРЛ*. Т. LI. СПб., 1999. С. 322–323.
- ¹⁸ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. С. 25.
- ¹⁹ *Horbatsch O.* Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel // *Die Welt der Slaven*. 1977. № 22. S. 87.
- ²⁰ *Алексеев А.А.* Русские граффити цареградской Софии // *ТОДРЛ*. Т. LI. СПб., 1999. С. 322.
- ²¹ ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 49–50.
- ²² Ср. публикации в *Horbatsch O.* Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel // *Die Welt der Slaven*. 1977. № 22. S. 86; *Алексеев А.А.* Русские граффити цареградской Софии // *ТОДРЛ*. Т. LI. СПб., 1999. С. 322; *Толочко А.П.* Два кириллических граффити Константинопольской Софии // *Ruthenica*. Т. 7. Киев, 2008. С. 209–210.
- ²³ *Малето Е.И.* Антология хождений русских путешественников XI–XV вв. М., 2005. С. 249.
- ²⁴ Там же. С. 253.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 245.
- ²⁶ *Назаренко А.В.* Крест – «Иерусалимский»? «Новгородский»? «Хильдесхаймский»? (К истории одной древнерусской паломнической реликвии) // *Православный паломник*. М., 2003. № 6(13). С. 55.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

<i>А.А. Горский</i> Формирование русской государственности и «призвание» Рюрика	11
<i>Е.А. Мельникова</i> Возникновение Древнерусского государства в европейском контексте	24
<i>А.В. Назаренко</i> Русь IX века: север и юг	38
<i>А.С. Щавелев</i> Образ славянского князя в древнейших социознанических легендах	53
<i>Ф.Б. Успенский</i> Династический обиход домонгольской Руси	60
<i>В.Б. Перхавко</i> Представления об устройстве общества в средневековой России	69
<i>В.А. Тишков, В.В. Трепавлов</i> Синтез народов и культур в Российском государстве: восточное направление колонизации в XV–XVIII вв.	76
<i>Д.В. Лисейцев</i> Состояние властных структур Московского царства в эпоху Смуты начала XVII века	96
<i>О.Г. Агеева</i> От Московского царства к Всероссийской империи: акт поднесения императорского титула 22 октября (4 ноября) 1721 года	109
<i>Ю.А. Петров</i> Государство и экономическая модернизация России: XVIII – начало XX века	122
<i>В.П. Булдаков</i> Государственность и Смута в России: оживающие тени прошлого	133
	409

<i>Н.Ф. Бугай</i> Национальная политика в Союзе ССР: плюсы и минусы.....	146
<i>Б.Н. Ковалев</i> Окупированная часть России под свастикой	157
<i>В.С. Христофоров</i> Бои под Сталинградом глазами американского генерала. 28 ноября – 7 декабря 1942 г.	169
<i>Е.Ю. Зубкова</i> Феномен Балтии в контексте модернизации советского проекта. 1953–1991 годы	183
<i>С.В. Журавлев</i> Трагические дни новой российской государственности: к 20-летию противостояния Президента и Парламента осенью 1993 г.	197

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

<i>Х.А. Амирханов, Ю.Н. Грибченко, Д.В. Ожерельев, М.В. Саблин, В.М. Семенов, В.М. Трубихин</i> Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе: по результатам раскопок 2008–2011 гг.....	217
<i>А.В. Головин</i> Этнокультурная панорама Урала.....	241
<i>В.А. Ламин</i> Исторические образы Сибири: далекие, недавние и постоянные.....	256
<i>Ю.А. Артамонов, А.А. Гиппиус, И.В. Зайцев</i> Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии: предварительные итоги исследования	282
<i>Вл.В. Седов</i> Архитектура Владычного двора в Новгороде: между Западом и Византией	293
<i>Л.А. Беляев</i> Историческая археология России Нового и Новейшего времени: шаг к формированию	307
<i>Т.В. Шмелева</i> История государства Российского в названиях Великого Новгорода и его площадей	321
<i>В.В. Полонский</i> История русской литературы конца XIX – первой половины XX века: проблемы и пути современного научного осмысления.....	334
<i>А.Л. Семенова</i> Официальность и публицистичность на страницах новгородской дореволюционной периодики.....	344
<i>Л.П. Муромцева</i> Сохраненное на чужбине: музеи российской эмиграции	353

<i>А.Л. Хорошкевич</i> Пять ипостасей Я.Н. Щапова	367
<i>Л.В. Мельникова, С.С. Секиринский</i> Отечественная война 1812 года в культурной памяти России: итоги работы над проектом	379
<i>В.И. Васильев</i> Академическая книга и книжная культура в истории Академии наук и формировании культурно-исторического пространства	386

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА 2012 ГОДА

План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года российской истории	397
<i>М.А. Никитины</i> Памятные события Года российской истории	403